

A large, green, textured alien head with glowing orange eyes, floating in a lush, mountainous landscape. The head has a complex, organic texture with many small, circular patterns. It has two large, glowing orange eyes and a small, dark, circular mouth. The head is surrounded by a dense forest of green trees and foliage. In the background, there are steep, rocky mountains and a blue sky with white clouds. The overall scene is a mix of nature and science fiction.

Алла Малашенкова

Как я жил на...

Алла Малашенкова

Как я жил на...

«Автор»

2025

Малашенкова А. А.

Как я жил на... / А. А. Малашенкова — «Автор», 2025

Если тебе кажется, что событиями в твоей жизни кто-то управляет, оглянись вокруг, присмотрись повнимательнее. Герой этого романа оказался в гуще невероятных событий именно благодаря не своим направленным действиям, а некому внешнему воздействию. Постепенно он начинает понимать это, но не противится, а начинает сам участвовать в процессе. Так он выявляет, что вокруг него вращаются не только люди, но и некие "инопланетные" существа. Эти существа продвигают его по службе, создают условия для научной работы, в надежде, что наш герой сможет изготовить им "волшебный кристалл", аккумулирующий необходимую им энергию. Одновременно с этими событиями начинаются процессы преобразования и в государстве, обществе и вообще всей окружающей его среде. И он принимает то самое важное для него и людей решение...

© Малашенкова А. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Как я жил на...	6
Как я работал на...	14
Как меня послали в...	23
Как меня снова послали в...	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алла Малашенкова

Как я жил на...

Пролог

Жизнь прожить – как поле перейти, для кого-то чистое и ровное, с цветами и тропинкой, одной, устремленной в светлое будущее; а для кого-то, и таких очень много, это поле перепахано вкривь и вкось, никаких тропинок, да еще идет ледяной дождь, да дует ветер, сшибающий с ног, а ноги вязнут в чавкающей грязи и идти становится все тяжелее. Но и те, и другие, доходят до очередной черты, за которой – неизвестность. Нет, не глобальный апокалипсис, а очередная эпоха перемен, жить в которой не желает никто и никому.

Пролог обещал трудности, и он не обманул. Черта, о которой говорилось, оказалась невидимой границей, скорее ощущением, чем физическим препятствием. Как будто воздух сгустился, приобрел металлический привкус, а привычный шелест листьев сменился глухим гулом, похожим на жужжание гигантского роя пчел. Те, кто прошел через поле, – и те, чьи пути были устланы цветами, и те, кто брел по грязи, – оказались на обширной, бесплодной равнине, похожей на застывшую лаву. Небо здесь было не голубым, а тускло-серым, словно выцветший холст, на котором небрежно разбросаны редкие, мертвенно-белые облака.

Солнце, если вообще можно было так назвать бледный, безжизненный диск, лишенный тепла и света, изредка появлялось из-за туч. Его лучи, доходя до земли, не согревали, а, скорее, пронизывали насквозь, оставляя ощущение холода, пробирающего до костей. Растительность на этой равнине отсутствовала полностью. Только редкие, черные камни, похожие на окаменевшие слезы, да выжженная земля, покрытая тонким слоем серой пыли, расстилалась до самого горизонта.

Ветер, который встречал путников на поле, здесь стих, оставив после себя лишь давящую тишину, нарушаемую лишь редким скрипом, словно где-то в глубине земли скрежетали исполинские механизмы. Люди, оказавшиеся на этой равнине, были разбиты, истощены и дезориентированы. Их оптимизм, если он вообще существовал, испарился без следа. Цветы, которые несли с собой оптимисты, увяли и осыпались, превратившись в бесполезный мусор. Даже те, кто прошел через грязь и бури, потеряли свою целеустремленность. Они сидели на холодной земле, с пустыми глазами, устремленными в беспросветное серое небо.

Первые дни были посвящены выживанию. На равнине не было ни воды, ни пищи. Люди пили дождевую воду, собирая её в выдолбленные куски камня. Еда представляла собой лишь случайные находки – чаще всего редкие, горькие корни. Люди делились этим скудным пропитанием, забыв о прежних враждебных отношениях. Общее бедствие сблизило их, хотя и не принесло утешения.

Вскоре начали появляться странные звуки – глухой гул, переходящий в вибрирующий скрип. Из глубин земли начали выползать огромные механические существа, не похожие ни на что земное. Они были из блестящего, синего металла, с множеством щупалец и вращающихся дисков. Их цель оставалась неизвестной, но страх, застывший в глазах людей, говорил сам за себя. Началась новая эра, эра выживания среди бесчисленных монстров на холодной, бесплодной равнине, где никакого света не видно на горизонте, а только безмолвная угроза и неизбежное будущее. И не было никакой надежды, только бесконечная, холодная, покрытая пеплом равнина...

Как я жил на...

Я живу на улице Свердлова в прекрасном доме с двух комнатах под номером 298. Вы могли бы подумать, что улица уж очень у нас длинная, аж под триста домов! Спешу удивить, на моей улице дом только один и он – мой. Удивились? На самом деле все еще сложнее и во многом моя судьба своими крутыми поворотами связана именно с этим обстоятельством.

Так вот, мой дом оказался на перекрестке трех улиц, одна из которых прерывалась на мне под номером 123 и продолжалась метров через триста после номера 65 по улице Чапаева до самой балки, а другая продолжалась с номера 99 и заканчивалась 113-ым, чтобы продолжиться уже после балки. Догадались? Ну, конечно, мы же на Нахаловке, где закон не писан и исполнять, казалось бы, нечего. Уже и старожилы не могут объяснить, кто как строился и почему местные Советы допустили этот, извините за прямоту, форменный беспорядок.

И все-таки мой дом стоял в этом ряду как бы особняком, не в том смысле, что большой и красивый, а совсем наоборот. Купил я его довольно дешево, наверное, потому и купил, иначе пришлось бы снимать квартиру. Искал я его, сами понимаете, долго, и сейчас думаю, что не мог я его не найти. Это судьба, рок, если хотите. Нет, вы не думайте, что стены из самана и крыша соломенная, не настолько все плохо. Стены кирпичные, правда, тонковатые и зимой промерзают, но ничего, жить можно. Главное, как мне объяснили мои новые соседи, это крыша.

Вот здесь мне «повезло» – шифер на ней сверкал, почти новый. Вы скажете, что шифер сверкать не может? Я вам скажу определенно – еще как может, открываешь люк на чердак и любишь, это надо видеть – очень красиво. Но иногда протекает. Снова вы скажете, что я – лентяй, не хочу крышу отремонтировать! Ничего подобного, ремонтировал и сам, и главного специалиста по покрытию, соседа деда Григория, приглашал. Все сделали, как положено, за неполных три недели. В конце работы не забыли обмыть конец моих страданий, почти вся улица радовалась моему счастью. На следующий день, невзирая на похмелье, я упорно продолжал радоваться, вплоть до обеда.

Я не могу не гордиться, с какой скоростью мне удастся в последнее время подставлять всевозможные емкости под рвущуюся сквозь потолок воду. Дождь есть дождь. Но все же это был финиш, сил на неравную борьбу уже не было. Позже мой другой сосед, кстати, бывший работник органов, объяснил мне этот феномен. Он загадочно поглядел мне в глаза и сказал сакраментальную для меня фразу:

– Ты, брат, не обижайся, но ты не с той крыши ремонт начал.

Если вы сразу поняли, о чем идет речь, то можете дальше не читать, хотя, если больше нечего, то конечно...

А жили мы на нашей улице неплохо, особенно те, кто поставил вокруг своего дома ограду в виде непроницаемой стены высотой метра этак с два. Я тоже постоянно собирался это сделать, да все руки не доходили. Зато воображение рисовало картину за картиной, куда тебе Канарские острова, когда вот тут, под твоим же боком оазис можно сотворить и делать там, ну... все что душе угодно.

А иначе – выйдешь во двор, а соседи тебя уже стерегут, пообщаться им приспичило или, еще лучше, они задумали что-то сделать, да вот тебя только не хватало, ведь только ты это можешь. Пробовал выйти во двор в одних трусах, так столетние соседки обхихикали. Теперь пройти по улице невозможно, до сих пор хихикают. Так мне приходится во двор по нужде при полном параде бегать. Да и вообще, как можно что-либо сделать во дворе, если хоть один критик да найдется, вон – голова соседа уже торчит в заборе, глядит, гад, а правильно ли я инструмент держу, или, может быть, гвоздь не того размера забиваю. А у меня, понимаете, не скобяной магазин, чтобы на каждый случай нужный гвоздь забить! Итак, чтобы заставить себя выйти во двор, приходится очень долго заниматься аутотренингом или, скажем, медитацией.

Поскольку во двор я выхожу теперь редко, у меня появилось достаточно времени для чтения и всяческих там экспериментов. Теоретически я подкован – дай бог каждому, а на практике еще успею, когда забор поставлю.

Есть еще одна проблема для моих соседей (заметьте, не для меня!). Я к своим тридцати годам не женат. Увы, не повезло. Не каждому же. А вот им кажется, что не в этом дело. Просто я инфантильный, а девушки смелых любят и деятельных. Ну, вот, к примеру, взять мой дом... И так далее. Это можно слушать долго, пока не стемнеет, и соседям не нужно будет смотреть последние известия с полей. Иногда я очень становлюсь благодарным нашим двум разьединственным телевизионным программам, которые регулярно вещают на массы такие нужные передачи, иначе мне не было бы спасу.

Зато в воскресные дни я встаю первым на нашей улице и – прямиком на базар, прямо к его открытию. Базар наш уникален по своей сути. Без народа он представляет собой жалкое зрелище: ободранные стены магазинов и складов, лужи прямо посередине единственной пригодной для открытой торговли площадки, об общественном туалете разговор мы сейчас вести не будем, и, конечно же, грязь. Наша, советская, родная до тошноты, настолько родная, что никому в голову не приходит ее просто-напросто взять и убрать. Но так не бывает, это слишком просто, поэтому мы только плечами и пожимаем. Зато иногда возникает, как бы между прочим, вопрос: а куда уходят деньги со сборов за право торговли? Но этот вопрос какой-то неудобный, даже почему-то хочется оглянуться, а не услышал ли кто твои мысли? Ну, да ладно, хватит о плохом.

Лучшее, что у нас есть, и этого не отнять, это люди. Как известно, на базаре люди должны подразделяться на две группы: та, которая поменьше – продавцы, а побольше, соответственно – покупатели. У каждой из них разные цели в жизни, и это тоже понятно. Если одни хотят на других заработать, это их, казалось бы, право. Тем более, что не каждый пойдет торговать, стеснительные мы больно, или неправильные, но никто в этом не признается. Поэтому покупатель смотрит на продавца со смесью некоторого высокомерия и, извините, какого-то страха. Какие-то они, то есть, продавцы, не такие. Зато в глазах продавцов покупатели выглядят этикими недоумками и лентяями.

Вон бугай пошел здоровенный, с бабушкой за пять копеек торговался, укроп с петрушкой покупал. Да за тот бабушкин взгляд можно червонец отдать, лишь бы смотрела в сторону. Ишь, он так и пышет здоровьем, посмотрите, да у него одна рука как две моих ноги, а зелень вырастить не может. Вы скажете, что нет у него земли, живет, болезный, в квартире на девятом этаже? Так бабулька из дома напротив, она этого парня давно заприметила, ей он напоминает быка-производителя из колхозного стада, что был в ее родном колхозе дай бог памяти какого-то там партсъезда. И вы думаете, у бабульки есть земля для того, чтобы вырастить зелень? Есть, аж целых пять ящиков, общей площадью почти три с половиной квадратных метра. А вы думали, что зелень с грядки? Все ошибаются, ничего тут не поделаешь. И после этого он еще торгуется! Он думает, что бабушка пришла за деньгами? В каком-то смысле он прав, конечно. Деньги никому еще не мешали, но это не главное в ее жизни.

Во-первых, базар – это, что бы вы ни думали, одна большая семья. Здесь можно узнать все обо всем, начиная со слухов и заканчивая квалифицированной юридической либо врачебной консультацией. Причем в большинстве случаев эти «услуги» бесплатные и достаточно профессиональные. Нет, шарлатаны, безусловно, есть, но они долго на одном месте не задерживаются, так сказать, «гастролируют» по городам.

Каких только «изделий» они не придумывают, просто загляденье. Берешь в руки и тут же убеждаешься, что данное высокотехнологичное устройство работать никак не может, ах нет, в руках «мастера» оно работает и...

Вот только когда приходишь домой, оно перестает функционировать, и сразу возникает ряд вопросов: или тебя обманули, или ты полный профан в последних веяниях науки и тех-

ники. И, поскольку ни один из вариантов тебя не устраивает, ты или прячешь этот свой позор подальше, или идешь на следующий день на базар, чтобы обменять или сдать товар назад. Когда на том месте, где еще вчера стоял гений науки и техники, ты обнаруживаешь кучку искореженных «изделий», ты все понимаешь и успоаиваешься. По крайней мере, ты человек простой, но не тупой, а это уже приятно.

Так вот и наша бабулька товар спихивает трудовому народу некачественный, но что ты ей скажешь? А она тебе в ответ? То-то же. Я это к тому, что спорить о несчастных копейках как-то не к лицу. А вот соседка моя, что напротив, нет, не та, а чуть наискосок, так ту хлебом не корми, а дай поторговаться, причем больше из любви к искусству.

Мы все можем довести до уровня искусства. В бытность мою студентом мой сосед по общежитским нарам очень красиво умел, извините, материться. И настолько это у него красиво получалось, что некоторые девушки не только не краснели, но даже замирали от восторга. Это я сам видел и слышал, поэтому можете мне верить. Приходилось уводить их под руку, так как ноги их не слушались. Вы можете сказать, что это не искусство, а крайность, извращение, но, могу вам сказать, что мы таких слов не знаем, приходится или в словарь толковый заглядывать или у любителей кроссвордов спрашивать, они уж все знают. Поэтому приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Тем более, что к нему в ученики набивались многие из его знакомых, но ни один из них не смог приблизиться ни по этажности, ни по красоте слога ни на одну ступеньку. Талант есть талант. Поэтому я и говорю, мы все можем довести до совершенства.

А какой самогон люди научились варить! А какие настойки и добавки можно обнаружить на том же базаре, от ацетона для любителей до табака для профессионалов. Для достижения своих высоких целей не жалеем мы ни здоровья, ни даже жизни. Разумеется, не своих, а покупателя. Вы спросите, почему так жестоко, а ответ прост и лежит на поверхности, не хочешь – не покупай. Ты пришел на базар за самогоном, это значит, что у тебя со здоровьем не в порядке. Ты что, не можешь купить казенки или, на худой конец, сам не можешь сварить? Не знаешь, как это делается? А ты подойди и спроси у той толстой тетке, что торгует дрожжами, она тебе все и расскажет. Ты ей не доверяешь? А почему? Ты только посмотри, как ее саму-то разнесло. Вот если бы она была худой, тогда да, а так точно тебе говорю, не промахнешься.

У тебя нет оборудования? А ты на миску, миска то есть? Нету? Ты приди завтра, у меня как раз есть подходящая. Так нести? Нет? Ну, тогда травись ацетоном, и после этого ты говоришь, что умный человек? Ах, ты за вещами пришел, джинсы хочешь купить, так тебе вон туда, к товарищам цыганам, они лучшие американские джинсы шьют, и, кстати, в два раза дешевле, чем с этими, как их проклятых зовут-то, с лэйблами, что ли. У татар не бери, они эти самые лэйблы сами делают и потом на джинсы вешают, а по качеству хуже, чем у цыган. А я чего продаю? Да нет, ничего, я смотрю пока.

Вот так приходишь после базара домой, это не опечатка, именно после базара, а не с него, уставший, но отдохнувший душой, практически с пустыми руками, потому как до зарплаты еще дожить надо. В магазине-то оно дешевле, хотя и поплотнее, да нам не привыкать, еще и не то едали. С базара питаться могут либо «шишки», либо сами торговые работники, а простой смертный, если не исхитрится вырастить сам, или, что еще лучше, имеет родственников в деревне, направляет свои стопы в ближайший магазин, а если хочется чего-нибудь больше и вкуснее, чем кефир и маргарин, то придется побегать по городу и постоять в очередях. Другое дело – базар, ни тебе больших очередей, эх, были бы деньги.

Так вот, я хожу на базар, в основном, за двумя вещами: за книгами и за аудиокассетами. Это у меня такие хобби. Один раз в месяц я могу позволить себе купить хорошую книгу и пару аудиокассет. Вы скажете, что я мог бы на те же деньги купить в магазине книг раз в пятьдесят больше, чем на базаре? Вы будете абсолютно правы, вот только читать можно не все книги, что продаются в магазине. Такого сорта товар у нас называют макулатурой. А хорошая

книга издается маленьким тиражом и, в основном, распределяется по разным там обществам любителей книги или «выбрасывается» на бесчисленных партийно-профсоюзных конференциях и подобных мероприятиях. Одному моему приятелю «посчастливилось» попасть на одну такую конференцию, так он набрал книг, копченой колбасы и другой редкой в нашей среде всячины, что после этого два месяца стрелял по рублю, на хлеб не хватало. Уж лучше, как я – один раз в месяц...

Зато как себя чувствует человек, когда он растягивается на диване во всю его длину, какая бы она ни была, берет в руки новую книгу, включает магнитофон, ставит новую кассету и погружается в волшебный мир звуков и образов. А что, пусть там, наверху, пьют водку отборных сортов, жрут икру бочонками, у нас тоже есть свои радости, ведь месяц пролетает быстро. Хотелось бы, конечно, получать больше удовольствия, но это не так к спеху. А книги... очень хорошие книги, кстати, в основном, исторические. История нам как никому дорога. Но история историей, а музыка – это... в общем это что-то непередаваемое. Вот, к примеру...

– Витек!!! – раздалось почти под самым окном. Это меня, кстати, я, кажется, забыл представить, так вот Витек – это я.

А кричит сосед справа, голосок – что тебе Шаляпин, за версту слышно. Сказать потом, что я спал и не слышал, никак не получится, этот и мертвого поднимет. Перевяжу-ка я себе зуб, вдруг поверит.

Я нашел тряпку почище и подошел к зеркалу. Опыта по изменению личности у меня нет, зато теоретически...

– Эй, да ты никак приболел? Зубы, что ли? – он нервно обернулся к своему дому и бросил мне через плечо, – я щас.

– Иван, ты чего хотел то? – имитируя больного, прогудел я.

– Подожди, не мешай, сиди дома, я щас буду.

Вот и весь мой обман, неизвестно, что сейчас произойдет, хорошо, если он притянет поллитру, так у меня закуски нету, как-нибудь отбрешусь, пусть найдет себе другого собутыльника.

– Эй, есть кто живой? – это он уже из прихожей, – давай, где у тебя стаканы?

– Слышь, а как ты зашел, я ведь калитку не открывал?

– Ну, ты даешь, а чего ее открывать, я через нее быстренько перемахнул, а то, понимаешь, теща может заметить, так вечером не оберешься с ней хлопот. Прямо гестапо какое-то. Везунчик ты, Витюха, живи себе и в потолок плюй, а вот у меня житуха, – он мотнул головой как тот бык, – ну, че ты, давай лечиться, что ли?

– Вань, ты не обижайся, но у меня...

– Да ладно, я же понимаю, закусь я с собой прихватил, ты только соли столовую ложку прихвати, – он по-хозяйски направился на кухню.

– А соли то зачем столько?

– Давай-давай, там увидишь.

Я нашел соль, именно нашел, потому что в моем хозяйстве, наверное, уже не одна мышь заблудилась, по ночам, несчастные, от тоски в полу дырки грызут, только не ко мне, а совсем наоборот. Я поставил соль на стол, и Иван насыпал в стакан ложку соли и залил все это самогонем. Челюсть у меня отвисла бы, если бы не повязка, такого я еще не видел.

– Так сильнее пробирает, что ли?

Настала очередь Ивана подтягивать свою отвисшую челюсть.

– Это почему же?

– А почему ты водку солишь, это же не пиво, как ты потом ее пить будешь?

Иван снова помолчал.

– А почему ты решил, что я ее пить буду?

– А зачем ты тогда продукт перевел? Не жалко тебе? – мне уже стала надоедать эта игра, и я в запальчивости забыл за свою роль больного.

– Так я же тебе сказал, что лечить тебя буду. Это и есть лекарство!

– Ты что, решил, что я это выпью? – мои глаза полезли на лоб. – Ну, уж нет, я вообще не собираюсь пить, тем более – эту гремучую смесь!

– Да брось, это же отличное лекарство, сам проверял, и не раз, как видишь, жив-здоров, и тебе того же желаю. Ну, давай, на здоровье, – и он сунул мне стакан прямо под нос. Тут я не выдержал и резко отодвинул его руку. Иван ошалело посмотрел на меня.

– Ах, ты вот как, – он рванул свой воротник, – да я шас... – он задумался, – подожди, я шас, – и его как ветром сдуло.

– Продукты заberi, – мои слова ушли уже в пустоту.

Остался я один на один с лекарством, немудреной закуской и тревогой в душе. Все-таки обидел человека, а ребята эти, нахаловские, на многое способны. Пойти, что ли, извиниться? Эх, нервный я какой-то стал. Ладно, подождем, жизнь покажет.

Через четверть часа в коридоре раздались шаги, да не одного человека, а как минимум двух. Это что же, он за подмогой бегал? Ну, что же, только я тоже не слабого десятка, просто так не дамся.

– Где этот несчастный? – услышал я голос деда Григория,

– Наверное, лежит, мучается, – это голос Ивана. – Ты ему скажи, дед, чтобы не дурил, принял лекарство, ты же сам мне его советовал.

Ага, теперь понятно, он деда приволок в качестве тяжелой артиллерии, теперь отвертеться будет сложнее. Вот прохвост, я-то думал, что он бить меня будет!

Пришлось вылезать из своей берлоги, сам заварил кашу, сам и расплачивайся. Дед деловито осмотрел мою перевязанную физиономию и сакраментальным голосом вынес приговор:

– Пей!

Я нерешительно помялся еще пару минут, потом махнул рукой в полнейшей безнадежности и залпом проглотил это зелье. Я водку переносить не могу, а здесь соленый самогон... Мужики сочувственно, но очень внимательно следили за моими действиями и, когда я выпил, дед смачно крикнул вместо меня и вопросительно посмотрел на Ивана.

– Шас сделаю, Григорич, – засуетился он и налил самогон в три стопки. – Прошу к нашему шалашу, гости дорогие!

Вот так я оказался сам у себя в гостях и, сколько ни отказывался, а две принесенные Иваном бутылки мы распили, и дед начал коситься на пустую тару, и получалось у него это достаточно красноречиво.

– Григорич, у меня уже нет, последняя была, следующую выгоню через неделю. – Иван для убедительности положил руку на сердце. Дед тяжело вздохнул и не менее тяжело поднялся. Слегка качнувшись, он заковылял домой, и я так и не понял, остался он доволен гонораром за лечение или нет.

Я включил свет, потому как уже стемнело, но Иван замахал на меня руками. Пришлось выключить. Он подошел к окну и осторожно выглянул на улицу.

– Вон, можешь поглядеть, штурбаннфюрер собственной персоной. Так и зыркает, жертва ей нужна. Что-то не хочется мне этой жертвой сегодня быть. Я как выгляжу, не сильно заметно, что принял на грудь?

– Да совсем не заметно, только вот ро... то есть, лицо... красное.

– Ну, это ерунда, я, когда с ней ругаюсь, всегда краснею, что твой рак. А чтобы запаха не было... – он почему-то оглянулся, – у тебя кофе нет, случайно?

– Был, да давно кончился, если хочешь, я чай заварю.

– Да нет, не пить, мне бы пожевать пару зерен.

Минут через десять я нашел ему именно пару затерявшихся зерен кофе в старой жестяной банке, и он с благодарностью заскрипел челюстями.

– Ну, все, я пошел, – он, пошатываясь, направился к выходу, – да, я смотрю, зубы-то прошли, – он поднял указательный палец, – а ты говорил. Знаем, как лечиться надо, если что, зови, поможем.

Ну, вот я и один, теперь можно и музыку послушать. Лечь на диванчик и...

Я умер или мне это кажется? Чувствую себя перышком невесомым, готовым отдаться легчайшему порыву ветра. Или я еще не проснулся, и мне снится мой дом, и я в нем лежу на диване и... Нет, все-таки я живой, а вот со здоровьем явно не ладится. Похмелье навалилось сразу и так мощно, что голова пошла кругом. Сколько раз себе, дураку, говорил – не пей самогон, козленочком станешь, так нет же. Пропали выходные.

Я выпил таблетку анальгина и снова прилег поразмыслить о предстоящих будних днях. Как всегда, в воскресенье – стирка, глажка, чистка и так далее. Вот суббота для меня намного приятнее, чем воскресенье, можешь позволить себе немного расслабиться, не то, что в воскресенье. Но субботу я уже умудрился прожить, причем, что удивительно, очень как-то быстро время пролетело, сходил на базар, а потом... и вспомнить нечего. Бр-р-р.

Сейчас бы в душ, да воды в кране нет, народ поливает огороды, дело нужное, это и козе понятно. Да мы и не ропщем, хотя душ бы сейчас не помешал. Эх, и почему это я все никак не соберусь летний душ сделать, ведь милое дело, часа в три ночи набираешь воды в бак, а к вечеру уже все в порядке, плещись себе на здоровье. Так нет, снова руки не дошли. Правильно говорят, лентяй я самый что ни на есть натуральный, в собственном соку. Пойду, попью водички, позавчера ставил в холодильник бутылку. Ах ты, елки зеленые, нет бутылки, наверное, вчера оприходовали. Я к ведру – нет воды. Ну, все, постирал я и сварил борщу, да и вообще...

Я выглянул в окно – уже жарко, хотя в доме прохладно, как в погребке у моих родителей в деревне. В такую погоду выходить из дому ну никак не хочется. Как представишь, что выходишь прямо в парную баньку, так и хочется умереть от жажды прямо здесь, в этом маленьком прохладном раю. Но я себя знаю, обманываться не стоит, пойду я на улицу в поисках чего-нибудь освежающего. Хорошо, что бриться не надо, разве что бороду причесать. Я еще не хвастался своей окладистой бородой? Знатная борода. Так вот, собрался я быстро, стараясь не нагибаться лишний раз во избежание выстрелов в моей больной головушке.

Как я уже говорил, остаться незамеченным на нашей улице совершенно невозможно, даже пробираясь через заднюю калитку. Пока я крался, за мной удивленно наблюдала, я догадываюсь, не одна пара глаз. Но ничего, никто не остановил, поэтому настроение резко улучшилось. Улочки и переулочки на Нахаловке кривые и запутанные, поэтому мне пришлось проблуждать в этой сети некоторое время. Даже проживая в этом районе, я не могу сказать, что запомнил это место достаточно хорошо. Как мне объясняли мужики на нашей улице, из балки выходят четыре дороги, одна ведет на базар и три ведут к пивным точкам, причем каждая точка имела название, к примеру, «у Тamarки», но на эту точку пиво привозят нерегулярно. Поэтому пиво чаще всего несвежее, а виновата Тamarкина жадность, не хочет «подмазывать» где полагается. Вон, у Верки всегда очередь, да только грязновато у нее и лучше ходить со своей тарой. А еще одна точка называлась «трамвайчик», хотя трамвай там не ходит, зато есть соленьюшкие бублики и пиво тоже ничего. В ту сторону я и попытался направить свои лыжи, извините, стопы.

– Молодой человек, – похоже, это ко мне обращаются.

Я обернулся и едва не попятился. С высоты моего роста, а он не так уж мал, больше шести футов, я мог и не заметить под ногами это крохотное создание – этакую миниатюрную и аккуратненькую старушку. Она почти благоговейно смотрела на меня снизу вверх, и мне захотелось присесть, чтобы разговаривать, так сказать, на равных.

– Какой вы высокий, – старушка сложила ладони на груди, – только вот худой очень, неужели холостой?

Я молча смотрел на нее и не знал, что сказать, то ли позвать ее замуж, то ли повернуться и пойти своей дорогой. Она, видимо, поняла мое настроение и защебетала:

– Я бы не беспокоила вас, да соседи говорят, что вы понимаете в радиоприемниках, так у нас с дедом беда, сгорел он, родимый, а новости теперь дед послушать не может и стал такой нервный! Может быть, зайдете?

Я продолжал, как последний дурак, смотреть на нее, не зная, что предпринять, ну никак мне не хотелось никуда сегодня заходить. Чем я могу помочь, если родимый дед сгорел? И почему он стал таким нервным? Она поняла это по-своему и снова принялась упрасивать, оглянувшись по сторонам цепким взглядом:

– А мой вчера выгнал такую хорошую... Что с тобой, милоч, тебе нехорошо? – с испугу перешла на «ты» старушка, – а, понятно, тогда точно тебе надо ко мне зайти, у меня от этой болезни есть прекрасное лекарство.

Теперь уже она ухватила за мой рукав и, волей-неволей, мне пришлось тащиться за ней.

– Сейчас все будет в порядке, – она искоса поглядела на меня, – а ты чего бороду-то отрастил? Ты в ней на батюшку очень похож, ей богу. – Она хихикнула и оглянулась по сторонам. Из-за соседнего забора послышалось шурушание. Моя провожатая вытянулась в струнку, ну будто молоденькая под руку с завидным женихом. Завтра вся улица будет переживать, с кем это она под ручку прохаживается.

– Ну, вот мы и пришли, заходи, не стесняйся.

Она тут же засуетилась и, спустя несколько мгновений уже несла увесистую кружку с темным напитком. Я недоверчиво покосился на это зелье, но старушка упрямо сунула мне кружку в руку. Что же было делать, пришлось выпить. Зелье пахло чаем и чем-то еще, очень знакомым.

– Подожди, не все сразу, это же лекарство! – она заворчала незлобиво, – то не пьет, то набрасывается ...

– Пить... хотелось, – решил открыть я рот, – спасибо, уже лучше.

– Вот за что я не люблю интеллигентов, так это за то, что не всегда правду говорят. Мне, конечно, приятно слышать твои слова, но я знаю, как действует это снадобье.

– Так вы... колдунья? – я почувствовал, что челюсть моя начинает двигаться к полу.

– Эх, темнота, да не колдунья, а знахарка, разницу чувствуешь?

– Честно говоря, нет. – Замотал я посвежевшей головой.

– Лечу я людей, милоч, травами да заговорами. А колдуны что делают? – она хитро посмотрела на меня.

– Что? – невольно вырвалось у меня.

– Да колдуют, что же еще? Какой ты недогадливый!

– Бабушка, а приемник-то где? – попытался я выскользнуть из неприятного положения. Колдовство или знахарство, это для меня темный лес, только бы не отравила старушечку.

– Да вот оно, проклятое, – она сдернула тряпицу с ящика, стоящего на тумбочке в углу.

Вот это да! Я не знаю, какими были первые приемники, но этот внушал уважение как габаритами, так и мощным дизайном. И мне предстоит покопаться у него во внутренностях. Вот это высший класс! Голова резко перестала болеть, то ли от зелья, то ли от восторга, то ли восторг случился от зелья, не могу понять. Ну, добро, за дело.

Дело длилось недолго, поломка сложная и радио не подлежало восстановлению. А жаль, машина стоящая. Теперь в ящике можно кролика держать, вполне по размерам подходит. Бабушка подошла как раз вовремя, когда я уже решил его участь.

– Ну, что, умер наш старичок? – в ее голосе я не услышал сожаления.

– Кто тут умер? – раздался за моей спиной страшной силы бас, заставивший меня вздрогнуть.

– Чего ты пугаешь-то человека, леший? – заголосила старушка, – это мастер, пришел посмотреть на твое чудо прошлого века. Кончилось твое чудо!

– Да ты не шуми, сейчас разберемся, – обладатель столь мощного голоса подошел ко мне и протянул скрюченную руку, которая принадлежала маленькому, совершенно высохшему старичку, каких много на лавочках летом, сидящих, в основном, поодиночке и наблюдающих за прохожими. Этот же смотрел твердым взглядом зрелого мужчины, разве что с почти неуловимой усмешкой, сопутствующей мудрости. От него веяло силой и энергией. – А, это вы. Мне за вас рассказывали, хорошо, что зашли. – Он повысил голос. – Сообрази там чего-нибудь на закуску.

У меня включилась сирена. Если я сейчас здесь застряну, то пропали выходные, завтра с больной головой толку от меня не будет никакого.

– Да я же не починил ничего, за что же...

– Да вы не переживайте. Подумайте сами, вы зашли к нам, уважили, а мы что, какие-нибудь эти, как их..., что ли? Просто посидим немного. Да ты сядь, – вдруг перешел на «ты» он, – уважь старика.

– Вы поймите, я вчера слегка переусердствовал...

– Тем более, полечишься!

– Меня уже полечили сегодня, – продолжал я свою линию в надежде избежать возлияний.

– Кто лечил, моя старуха? – старик аж привстал, – эх, такой случай испортила, чтоб тебе! – это он уже своей жене, стоящей в дверях и с улыбкой смотрящей на нас. – Ты думаешь, это она случайно? – это уже ко мне, – ничего подобного, знала, старая перечница, что я захочу с тобой поговорить по душам. Ну, погоди у меня, – это он опять своей жене. – Вот пойду сейчас и напьюсь в стельку, будешь потом от меня бегать!

Он вскочил и закружил по комнате. Я, конечно же, ничего не понимал, но продолжал сидеть, как истукан, ожидая конца представления.

– Ты хоть сказала ему, чтобы он не пил неделю? Вот язва, забыла? – он остановился возле меня и забасил, – меня предупреждали, когда я на ней женился, что с ведьмами мужики долго не живут, помирают быстро, так я не поверил. Но не на такого напала. И теперь уже пятый десяток она надо мной издевается. Но хуже всего это зелье. Терпеть его не могу. Как лекарство – ничего не скажу, вещь хоть куда, но последствия – хуже не придумаешь, рюмки, понимаешь, в рот не возьмешь. Вот дьявольское отродье, учудила. А вдруг у человека мероприятие какое намечается на неделе? Ты об этом подумала?

– Да я не в претензии, даже наоборот...

– Запомни, сынок, человек предполагает, а бог располагает. Ты еще думать не думал, а тут вынь да положь. Вот так-то, а ты говоришь!

– И что же будет, если теперь выпить? – я уже не знал, как вести себя в этой кампании.

– Лучше тебе этого не знать, просто не пей и все тут! – старик погрозил кулаком в сторону бабульки-отравительницы. – А с тобой я еще поговорю.

– Не слушай его, милоч, я ничего страшного не сделала, отвар с небольшим наговором, пить, действительно, нельзя, зато вози тебе будет всю неделю, потом еще спасибо скажешь. – Она мечтательно улыбнулась, – мне бы твои годы...

– Ну, ладно, заходи к нам через неделю, расскажешь, да и поговорим заодно, – пробурчал старик, снова протягивая руку.

Как я работал на...

Наконец, наступил понедельник. Страшное дело, но за несколько лет работы привыкаешь к тому распорядку, который тебе предлагают (этак ненавязчиво) на том предприятии, где тебе посчастливилось трудиться. Все крутится вокруг работы, причем рабочему классу повезло, или он сам себе отвоевал самый льготный распорядок.

Рабочий приходит на свое рабочее место, выполнил (или не выполнил) свое плановое задание и четко по графику отбывает на отдых. Есть, конечно, исключения в виде авральных, аварийных и некоторых других видов внеурочной деятельности, но рабочий класс ценит свое личное время, поэтому торгуется за каждую копейку, выбивая (на самом деле) льготную оплату или дополнительные отгулы, да не дай бог бухгалтеру ошибиться, сами понимаете. Крестьянину меньше повезло. Это и понятно, надо было быстрее думать во время революции, да и ближе он к земле. Чем больше ты от земли зависишь, тем больше она тебя и так, и этак, да деваться тебе от нее некуда. Хочешь кушать, поклонись ей не один раз.

К чему это я? Ах, да. А вот остальным повезло еще меньше, если это можно назвать везением. Остальные должны рабочий класс и трудовое крестьянство обслуживать и для этого был придуман такой термин – ненормированный рабочий день, который зачастую плавно переходил в ненормированную рабочую ночь, неделю, месяц, год, жизнь. Что это значит? А вы сами подумайте.

Поэтому неделя, с точки зрения этого самого «ненормированного» специалиста, начинаясь с понедельника, таит в себе много сюрпризов и невероятно долго тянется до конца рабочего дня в среду. Это самое тяжелое время для «ненормированных» работников. Зато четверг и пятница – самые золотые дни на неделе. Настроение приподнятое, оно и понятно, ведь впереди столь желанные выходные дни, работа спорится и даже внезапные партийные, комсомольские, профсоюзные, комбинированные в любом сочетании и просто рабочие собрания, мероприятия, политзанятия и многие, многие другие возникающие препятствия для здорового отдыха уже не оставляют кровоточащих следов в душе. Впереди выходные и этим все сказано.

Правда, в этом плане молодым меньше повезло. Для них есть работа и после работы, и в выходные. Взять, к примеру, спортивные или какие-нибудь другие соревнования между цехами, заводами и так далее. Постоять за честь своего коллектива – это и почетно, и приятно, только очень жаль, что не в рабочее время. И польза организму, правда, нерегулярная, но все же. Или возьмем Добровольную народную дружину. Тоже правильно, милиции надо помогать, она же сама не справляется. К тому же, и за ней можно присмотреть. Оно же все как на ладони. Сказать ты об этом сможешь потом только кому-нибудь из друзей, но все равно где-то даже приятно. Особенно в субботу вечером, да еще не в своем районе. А если ты и молодой, и спортсмен, да и вообще безотказный, то общество займет все твое свободное время. Это понятно всем окружающим, кроме тебя самого. Поэтому, если вдруг у тебя оказались свободными выходные, то ты не знаешь, как их использовать продуктивнее, и зачастую они проходят без какого-либо плана или вообще просто пролетают как одна минута. А ведь всю неделю планировал и сколько дел хотел переделать! И вот в понедельник оказывается, что воз и ныне там, и будет снова тебя ждать до следующих выходных, чтобы...

Не подумайте, что я жалуюсь, ни в коем случае. Ведь если представить, что каждый день у тебя есть масса свободного времени, так ужаснешься и не будешь знать, куда его девать. Не брать же пример с рабочего класса, поглощающего спиртное с вытекающими последствиями. Я вот думаю, что счастлив тот человек, у которого нет свободного времени, его жизнь... эх, да что тут говорить, не знаю я такого, ну не было у меня в жизни много свободного времени, разве что в детстве, да и то, чем-то ведь был занят. Это что же, получается, что я, по-своему, счастливый человек?

Снова я отвлекся. Так вот, в понедельник приходится разгребать все накопившиеся за выходные проблемы и в гору глянуть некогда. Итак, прихожу я на работу...

– Витюша, зайди к начальнику, он уже о тебе спрашивал, – приветливо улыбнувшись, ужалила меня Мила, высокая, но несколько нескладная сотрудница.

Не подумайте, что я боюсь или недолюбливаю своего начальника. Вовсе нет, хотя он далеко не специалист в нашем деле, а больше «общественник» и, к тому же, кум большого босса. И даже манера разговора, будто от него здесь что-то зависит, тоже меня не коробит, разве что чуть-чуть смешит. Вовсе не боюсь. Просто, если что-то касается работы, то он обычно не вызывает, потому что мы и так справляемся, а если вызывает, то это значит, что дело пойдет не по нормальному руслу. Или поездка в колхоз, или внеплановая командировка, или... И снова вы могли подумать, что это я не люблю. Да нет, я очень люблю колхозы, вообще сельскую местность потому, что я там родился и вырос, на природе прошли мои детство, отрочество и юность. Командировки я тоже люблю, как-никак отвлекаешься от обыденного, новые места, новые люди и вообще... Правда, командировочные маловаты, но это же у всех так.

Просто все это отвлекает от нормальной работы, вот что нервирует. Дело в том, что не очень хочется превратиться со временем в человека, делающего вид, что работаешь, а на самом деле превратившегося в, извините, «общественника». Работал у нас такой конструктор. Он умудрялся за кульманом занимать такую позу, что отличить его от работающего незнающему человеку было практически невозможно. А он что делал, как вы думаете, книгу читал, или что полезное делал? Ничего подобного, он спал. Спал в любом положении в любое время дня, особенно после обеденного перерыва. И при этом умудрялся в перерывах между снами активно заниматься общественной работой, причем не какой-нибудь, а в парткоме. Сделать ему замечание никто не хотел, зачем кому-то враг среди партийных, но посмеивались, а женщины за глаза открыто издевались. Почему женщины? Так его активность в основном на них и распространялась. Меня удивляло, как это он отчитывается перед начальством о выполненном рабочем плане. Не мог же он ничего не делать, план есть план, но мне популярно объяснили, что он у нас только «числился». Для таких людей перейти в разряд «числящихся» значит вроде как ученую степень получить.

– Анатолий Иванович, я уже пришел, здарсьте, – поздоровался я со спиной начальника, копошившегося в объемистом рюкзаке.

– Сейчас, подожди немного, – бросил он через плечо, и я начал процесс ожидания довольно активно.

Я стал думать о начальнике. И вот что надумал. Было во внешности Анатолия Ивановича нечто демоническое. Сухое лицо, смуглая кожа и какой-то особенный взгляд черных, близко посаженных глаз. Выдерживать этот взгляд было не то, чтобы боязно, а как-то неуютно. Плюс манера поведения человека с достатком, но не с положением. Достаток появился недавно, почти сразу после крестин двойняшек, мальчика и девочки, заполнивших досуг семьи Анатолия Ивановича. Кум, он же крестный отец малышек, решил позаботиться об их будущем и по своим широким связям добился для молодого кума места на новой стройке, которую вела наша страна за границей. Заказ был срочный и очень выгодный, поэтому мой шеф приехал оттуда упакованный по самую макушку.

Что нужно нашему человеку? Квартира, машина, мебель там всякая и на сберкнижке чтобы осталось. Такая упаковка достигалась обычным смертным в лучшем случае к пенсии, а шеф получил ее уже к тридцати годам. Теперь оставалось стремиться дальше – делать карьеру. С этим оказалось труднее, но путь был выбран правильный, через партийные заводские органы.

Что могло нас объединять, бедного, вечно подающего надежды еще пока молодого человека и такого «товарища», как мой шеф? Кроме работы, разумеется. Шахматы! Наши бои проходили шумно и привлекали множество зрителей, невзирая на то, что начинались в обеденный перерыв и частенько продолжались и после него, поскольку мы не только шумели, но и

играли неплохо. Игра шла с переменным успехом, поэтому предсказать исход партий было совершенно невозможно. Да еще и время, мы играли пятиминутные блиц-партии и страдали больше всего в этом процессе именно часы. После игры у меня оставались два чувства: удовлетворения от игры и гордости за нашу технику. Выдерживать столько ударов каждый день, да еще каких, это что-то значит.

– О чем мечтаешь? Привет, – это уже начальник «освободился». – Тут такое дело. Сейчас должны прийти две машины на мой гараж, с бетоном, куба по четыре каждая, их надо будет разгрузить, понимаешь?

– Понимаю, – машинально ответил я, хотя никак не мог понять, как стыкуются между собой все эти высказывания. Я нахожусь здесь, на рабочем месте, гараж в пяти километрах отсюда, а машины придут уже сейчас, да и разгрузить восемь кубометров бетона в одиночку явно нереально. Пока я буду, даже теоретически, разгружать одну машину, то второй бетон уже застынет, ведь привезут на обычной бортовой машине, как пить дать. И что значит разгружать, это ведь не кирпич, бетон надо сразу использовать по назначению, иначе произойдет все как со второй машиной.

Судя по реакции начальника, взгляд мой явно соответствовал моему состоянию полного понимания момента.

– Для особо одаренных повторяю, – шеф сделал мину, подобную той, с которой он выступал на партийном собрании о нерадивости и так далее, – бригада из шести человек сейчас переодевается в рабочую одежду, садится в мою машину, – он снова посмотрел на меня, – ничего, поместитесь. Так вот, я отвожу вас всех к моему гаражу, вы принимаете бетон и бетонируете пол и крышу. Все понятно?

– Конечно.

Начальник снова внимательно посмотрел на меня

– Кормежка как на убой. С подогревом, сам вчера гнал.

– Но у меня же нет отгулов...

– Все за мой счет, у меня их накопилось больше сорока, спишу часть на вас.

– А что, так можно?

– Слушай, ты идешь переодеваться или мне другого помощника поискать? – его «демонический» взгляд уперся мне в переносицу, от этого мое самочувствие не улучшилось.

– Да я ничего, только вот насчет подогрева... нельзя мне пока, – я свято помнил предупреждение мужа знахарки.

– Да брось ты, хотя, какая разница, там разберемся, беги, уже давно пора, машины к девяти придут, а уже половина.

Сказано – сделано, наше дело маленькое – бери больше, кидай дальше. Набились мы в шефскую «Волгу» как селедки в банку и отправились на исправительные работы. Погода стояла замечательная, поэтому возражений поработать на свежем воздухе у меня не возникало. Бригада подобралась разношерстная, даже один хромой попался. Ну, думаю, работа будет не бей лежачего, даже хромые годятся. Эх, как я ошибался!

Приехали мы, выгрузились. Да уж, подумал я при первом взгляде на стройку, начальник то мой размахнулся не по средствам. Не гараж, а целый дворец в трех уровнях. Я посмотрел на крышу, куда вскоре придется поднимать бетон и плечи мои опустились в полной безнадежности. Отсюда, подсказывал мне мой редко ошибающийся внутренний голос, мы уйдем едва живыми.

– Ну, что, мужики, закурим? – потер руками наш главный «стрелец», курильщик заядлый, но своих сигарет никогда не имевший. Работавшие с ним в одной группе всегда носили с собой «термоядерную» «Ватру», хотя сами курили кое-что лучше. Но он не обижался и весело дымил дармовой сигаретой. Зато знал о сигаретах практически все и мог говорить об этом

достаточно долго, особенно, если перепадет хорошая сигаретка. Говорят, что мир держится на оптимистах, так он – самый оптимистичный из них.

Закурили. Подождали. Снова закурили. И снова подождали. Кто-то затравил анекдот с длинной бородой, порассказали и послушали. Вскоре смеяться стали как-то неестественно, и разговор плавно перешел на женщин, пошли сальности, которых я не переваривал, но выручил шеф, важно подкативший к нам. Он очень сильно возмущался, обращаясь почему-то к нам, хотя от нас ничего не зависело. Уехал. Наступило время обеда. Ни бетона, ни начальника, а голод – не тетка, живот начинает возмущаться. Если бы были деньги, послали бы гонца в магазин, да вот беда, все были в спецовке, деньги остались на рабочих местах, так что мы оказались заложниками в этом гаражном кооперативе.

Приехал начальник, привез бутерброды и воду, встретили как спасителя. Очень он недоволен. Косится, как мы поспешно заталкиваем пищу в наши возмущенные животы. Не выдержал, подсел к нам и, только взял в руку бутерброд, как привезли бетон. Он от досады даже крикнул, но делать нечего, пришлось отложить трапезу. Зато бетона теперь у нас было хоть отбавляй, пришли сразу две машины. Толпа, в смысле бригада, вытаращила то, что у обычных людей называется глазами, это куда же столько сразу? Чувствовалось, что шефа сейчас же «Кондратий» хватит. А что мы? Делать нечего, выгрузили обе, и вот тут пошла работа.

Не знаю, может ли еще какой-нибудь народ так работать, но нам не привыкать. Казалось, что было слышно, как звенят жилы и трещат кости. И это вовсе не было результатом хорошего отношения к начальнику, совсем нет. Просто люди понимают, что такое бетон и никогда не оставят его посередине единственной дороги между гаражами. Но есть и еще один недостаток в авральной работе, невозможно точно рассчитать, сколько куда должно пойти материала. Работа кипит, но без определенного плана, получается так, как получается. Где-то больше, где-то меньше. Когда пошабашили, оказалось, что забетонировали чуть больше половины от запланированного шефом. Или он неправильно рассчитал, или мы бетон перерасходовали, не знаю, я не мастер или, к примеру, бригадир, мое дело – работа. Скорее всего, и то, и другое. Но факт оставался фактом, мы валились от усталости, шеф был страшно недоволен, хотя сам не участвовал в этой баталии, работа не сделана, бетон уже начал застывать, ничего уже с ним не сделаешь.

– Слышь, Толик, – обратился к шефу колченогий, кстати, оказавшийся хорошим работником, – беги, заказывай еще, делать нечего.

– Да ты представляешь, когда мне его привезут, а у меня уже плотники заказаны на этой неделе, – горько усмехнулся шеф.

– Иваныч, а деньги у тебя есть? – спросил другой его товарищ.

– Нету, а что? – реакция начальника была мгновенной.

– Да нет, ничего, раз денег нет...

– Ты говори, раз уж начал!

– К концу дня можно подкатить к моему куму, он мастером на бетонном узле...

– Что же ты молчал? А я столько бегал, чтобы выписать эти проклятые машины! – начальник явно взбодрился. – Поехали!

– Иваныч, там же за наличные, сам понимаешь, ворованный товар... да и «нала» у тебя нет!

– Поехали, не твоя забота!

Толпа многозначительно переглянулась, и я представил себе, когда и какой будет сегодня ужин, который на «убой».

– Мужики, ищите место для ночлега, домой мы сегодня не уйдем, – колченогий скорчил скорбную рожу.

– Давай закурим, товарищ, по одной... – затянул свою песню «стрелец».

– Да накурились уже, поесть бы по-нормальному, что ли, там осталось что-нибудь?

Мы осмотрелись, но сумки с бутербродами не было, не иначе, как наш Иваныч прихватил с собой, для ужина тара, так сказать. Не знаю, что подумал каждый из нас, а я стесняюсь такое написать. И вот что я подумал про себя, чтобы никто не услышал. Если мне, всякое же бывает в жизни, вдруг приспичит стать начальником, не буду я приглашать своих сотрудников, а тем более – подчиненных на такие вот массовые мероприятия. А то получится, как с Иванычем, хотел, как лучше, а получилось, что люди о тебе неправильно подумали. А даже если и правильно, то какая от этого всем польза?

Начинало смеркаться. Среди гаражей тени были гуще, и появился ненавязчивый, но противный сквознячок. Кто постарше, потянулись в гараж, там все-таки стены создавали иллюзию какой-никакой защиты. Света в гараже еще не было, поэтому каждый старался найти себе более или менее приличное место для сидения. Сидели молча, потому как слов уже не хватало, наговорились за день, только вздохи выдавали эмоции, бурлящие в душах наименее стойких товарищей.

– Игорек, ты помнишь, как в позапрошлом году мы крышу перекрывали у нашего главного механика? – колченогий мечтательно прикрыл глаза.

– А чего же мне не помнить, Михалыч хоть и главный механик, а все же человек! – на той же ноте продолжил его товарищ по всякого рода «левым» работам. – Трехразовое питание, да какое! И казенка к тому же, не «самтрест». За два дня такую крышу перекрыть, это тебе не гаражик забетонировать.

– За два дня, – не выдержал я, – и сколько же листов уложили?

– Сотни полторы, что, не верится? Вот так-то! Хороший домик на даче у Михалыча.

– Так это еще и дача...

– А у него квартиры в городе, так он на даче весь выложился, пол-участка застроил. – Мечтательно продолжил рассказчик. – До нас ему мастер ложил, с Нахаловки, говорят, большой специалист, да видно, мало ему показалось по оплате за работу, пару дефектов оставил, маленькие такие щелочки, как будто специально сделаны. Михалыч намучился, так ему нас посоветовали пригласить, мы, конечно, не такие спецы, зато без брака работаем.

– А как звали того большого специалиста? – не унимался я, почувствовав, что кое-что становится мне понятным.

– Да не помню, то ли Григорич, то ли Георгиевич... А у тебя что, крыша протекает? – опыт старого шабашника подсказал ему, что возможна подработка. Так бы оно и было, если бы у меня были свободные деньги.

– Да нет, просто интересно рассказываете, – ушел я от этой щекотливой темы, – так они, мастера эти, не боятся, что их потом того?..

– Ничего они не боятся, зато их потом снова приглашают и минимум стол накрывают, а то еще и приплатят, сечешь?

– Да уж...

– Это в старину, говорят, так баловались печники. Саму печь кладет, паразит, так, что залюбуешься, словом, мастер оно и есть мастер, не придерешься. А потом, если обидел его хозяин, недоплатил или не уважил как-нибудь, печь при растопке начинает «разговаривать», ухат там, к примеру, или выть по-волчьи. В общем, удовольствия мало. И бежит хозяин кланяться печнику. А тот знай свое гнет, воспитывает нерадивого. И это не со зла, а для уважения делали. Пойди, попробуй хорошую печь сложить, это тебе не камин, она должна и обогреть весь дом, и приготовить на ней нужно, и спечь чего. Так и любой мастер, делает дело хорошо, но и свинью может подложить будь здоров, не кашляй.

Час от часу не легче, чем это я старика обидел? Поил, кормил, не обижал его, вроде бы. А! Да он решил меня воспитывать! Вот тут он попался, я в жизни страшно не люблю, когда плачут или воспитывают. Ты скажи прямо, что ты от меня хочешь, а не води вокруг да около как слепого котенка. Я тихий до поры до времени, а если допечешь, тогда держись!

Очень интересное свойство человеческого мозга – работать в автономном режиме. Я имею в виду такую вещь – стоит только какой-нибудь проблеме по неосторожности обнажиться, как сразу же мозг фиксирует ее и независимо от владельца начинает ее прорабатывать, выдавая время от времени такие решения, что диву даешься. Поэтому я не стал детально прорабатывать план мести горе-мастеру, хотя само по себе это занятие намного увлекательнее, чем ждать эти проклятые машины.

– Мужики, пойдем по домам, – наконец не выдержал один из нас, наверное, темнота придала ему храбрости.

– Да ты чего, совсем, что ли! – раздалось рядом со мной. – А если машины придут, бетон же пропадет.

– Мало, что ли его пропадает? Вон, на стройке мой кореш работает, рассказывал, что для плана бетон в землю вместо мусора закапывают...

– Ну, ты сравнил, то ж для плана, люди прогрессивку получают, государство не обеднеет, а здесь дело частное, извините, личное! За такое тебе никто спасибо не скажет.

– А у меня тоже дел личных полно. Вот приду домой и расскажу жене, тестю с тещей, как я тут на этого жлоба спину гнул. Так назавтра они все мне на шею сядут, в один момент в могилу загонят.

– А чего это ты будешь все это рассказывать? Скажи, что с ребятами посидел слегка, я думаю, что Иваныч магарыч не зажмет в конце концов...

– Да вот же, одна у нас отмазка, а ты говоришь – дело личное! Сам, небось, дома тоже запоешь соловьем...

– Я отдельно от тещи живу...

– Тебе больше повезло...

Мне надоела эта перебранка, и я молча вышел на свежий воздух. Потянулся, расправил плечи. Пока нагрузки не растянули мышцы, и на том спасибо. Сумерки как-то сразу перешли в темноту, судя по всему, уже стукнуло девять. Если не считать вони от коксохимического завода, воздух достаточно свеж, иногда пробиваются цветочные запахи с соседних дачных участков.

Удивительное дело, когда воздух кристально чист, как в горах, например, запахи чувствуются не так контрастно. А здесь – другое дело. Только что пахнуло синильной кислотой и тут же – жасмином или сиренью. И сразу хочется жить, и даже следующий порыв ветра, приносящий очередную порцию вони, уже не способен разрушить идиллии, возникшей практически на одно мгновение.

Это проверено практикой лично на мне. История простая и поучительная. В бытность свою студентом подрабатывали мы на кожевенном заводе. Если это вам ни о чем не говорит, постараюсь объяснить. Вы проходили когда-нибудь мимо, извините, дохлой кошки? Я думаю, что у каждого в жизни это случалось хоть один раз. Так вот, не знаю, во всем ли мире такие запахи на кожевенных заводах, а у нас это действительно шедевры. Никакие химикаты не могут заглушить этого специфического запаха, и он въедается в легкие, кожу и так далее. Выходя после изнурительной смены на свежий воздух, отойдя несколько десятков метров от завода, ты вдруг обнаруживаешь, что на тебя обрушивается вся гамма запахов, к которым ты привык и не замечаешь в повседневной жизни. И даже те запахи, которые до этого тебя раздражали, после кожзавода уже не вызывают в тебе отвращения. Все, как говорится, познается в сравнении. Поэтому сейчас я получил положительные эмоции от городской воздушной смеси и решил прогуляться вдоль гаражей.

Я вам скажу, что нигде в мире нет такого контраста в строительстве, кроме как у нас. Это касается не столько городской архитектуры, особенно в частном секторе, а именно загородных построек и дачных участков. Только у нас рядом с трехэтажным гаражом, облицованным импортной плиткой, может стоять развалюха, в которой никогда не стоял автомобиль. Или

на дачном участке, к примеру, соседствуют дома-крепости, забранные решетками, с окнами, напоминающими скорее амбразуры, чем что-либо другое, и, как у нас их называют, холобудки. В том смысле, что будка вроде бы есть, но открытая всем ветрам. Что не мешает установлению почти братских отношений между соседями. Это архитектурное решение могло бы носить название «кто на что горазд», причем обладателем холобудки мог быть достаточно обеспеченный гражданин, взявший участок под строительство или дачу просто на всякий случай или по принципу «всем давали, а я что – рыжий?»

Практика создания такого рода кооперативов, или обществ при предприятиях и организациях, где ты работаешь, не давала возможности долго раздумывать, брать, к примеру, дачный участок или не брать, ответ всегда положительный, поскольку больше такой возможности может не возникнуть за всю оставшуюся жизнь.

И начинал человек тянуться, в большей, так сказать своей статистической массе, из последних сил, обустроявая свои участки в надежде вырастить огромный урожай и тем самым обеспечить себя и всю свою родню продуктами растениеводства на всю зиму. Труд этот, я вам скажу, под силу немногим, поскольку предстоит этим несчастным смотреть на жизнь во всю ширину, так сказать жизненного горизонта. Кроме того, что человек отрабатывает на производстве положенные ему по конституции восемь часов, после работы этот несчастный мчится на дачу, поскольку именно в это время будут давать воду для полива, либо его уже родной кооператив проводит субботник, пропустить который очень даже нежелательно, поскольку можно лишиться многих благ. И тогда человек становится рабом не только государства, но и собственных, добровольно взятых на себя обязательств. И все это при том, что вырастить на своем участке овощи удастся далеко не всякому и затраты на это «производство» никогда не окупаются.

Одно только неплохо в этом мазохизме – человеку становится ближе земля, он начинает жить в соответствии с ее ритмами. Если бы не одно «но». Остаются на шее горожан еще и колхозы, которым непрерывно необходимо помогать. Складывалось такое впечатление, что в колхозе живут одни бригадиры, которые принимают под свою опеку бригады, сформированные на предприятиях города, и руководят работами. Кому была выгодна такая форма организации труда? Кстати, по графику у меня завтра поездка в колхоз, а я здесь околачиваюсь, снова не выплусь и буду завтра еще тот работник.

Задумавшись, я ушел довольно далеко, и мне пришлось бежать вприпрыжку, когда возле «нашего» гаража засверкали фары автомобиля. К моей радости, это был не грузовик, а машина шефа. Толпа высыпала из гаража и принимала груз в виде кастрюлек и бутылок, причем бутылки явно преобладали количественно.

Да, это был еще тот пир. Самогон, котлеты из нашей столовой, макароны и, что меня обрадовало, много больших красных помидор. Все шло довольно сносно, пока народ не обратил внимание на то, что я пропускаю уже не первую рюмку. Сначала они были шокированы, потом начали возмущаться, мол, почему это они одни должны страдать. Я ответил, что мне просто сейчас нужно лечиться и спиртное противопоказано, но не тут-то было, для начала выяснили, чем это таким я болею, что нельзя выпить хотя бы чисто символически. Поскольку до этого болел я мало и болезней не знал даже по названию, постольку меня быстро раскусили и навалились всей гурьбой. Вы пробовали бороться в такой ситуации? Если да, то я вам сочувствую. К сожалению, это борьба без победителей, кругом одни побежденные, ведь в такой ситуации, я думаю, уже оказывался или вскоре может оказаться любой, и вот тогда с ним сделают то же самое, что и со мной.

Вы меня осуждаете за малодушие? Не надо, ну что я им мог рассказать, как некая бабуля напугала меня до смерти своими байками? Это даже не смешно. В общем, гонка с тостами продолжилась вплоть до самого дна последней бутылки. Дальше в моем сознании сохранились лишь обрывки каких-то странных воспоминаний. Домой я попал уже на автостопе, причем в

рабочей одежде, видимо, мы не заезжали на работу для того, чтобы переодеться. О чем говорили вокруг меня, я особенно не помнил, а по приходу домой просто-напросто улегся спать, к сожалению, забыв раздеться.

Проснулся я оттого, что кто-то шаркал у меня в доме. Я попытался поднять голову и тут же пожалел об этом, то, что произошло в ней, не поддается описанию, поэтому как можно осторожнее я положил мое больное сокровище на подушку. Гори оно все синим пламенем! Пусть ходят, что можно у меня украсть? Но шаги приблизились ко мне, и я позволил себе открыть один глаз. Вот дела, а этот что здесь делает?

– Я ж тебе говорил, чтобы ты поостерегся! Эх, молодость, молодость, что с вами поделаешь? – густой бас отдался в моей самой верхней «конечности» резким звоном. – Ладно, что с тобой поделаешь, придется подлечить во избежание...

– Как вы сюда попали? – просипел я.

– Так открыто все у тебя, заходи, не хочу...

– И все-таки, почему вы здесь?

– Так я ждал тебя, сизокрылого, предвидел, что не удержишься, да и выпьешь. – Старик назидательно поднял вверх палец. – Мало кто удерживался до тебя. Кто для проверки, понимаешь, а вдруг мы со старухой посмеяться решили, кто просто не верил, а были такие, что и со страху... А ты почему?

– Это для статистики, что ли, или диссертацию пишете? – юмор явно соответствовал моему состоянию.

– Ага, юморишь, возможно, и выживешь. – Не остался в долгу старик. – И все-таки, с чего это ты...

– Шабашили, а там сами знаете, что за народ...

– Понятно, не смог отказаться. Эх, парень, а если тебя попросят повеситься, ты тоже сам в петлю полезешь? – вопрос с его стороны был явно риторическим, поскольку ответа он не ждал. – Что же мне с тобой делать, подлечить, или так оставить? Может быть, и сам выкарабкаешься...

– Ваш юмор того...

– Да уж, какой тут юмор, речь идет о серьезных вещах. – Дед помолчал и как бы нехотя добавил, – ты если не веришь мне или старухе моей, так сразу и скажи, чего мы на тебя время-то тратим? Да и здоровье тоже, оно чай, не железное.

– Я не понимаю, о чем это вы...

– Здорово тебя разобрало. Лады, договоримся так: сейчас, так и быть, помогу я тебе, а потом сам решишь. Если мы тебе понадобится, знаешь, где мы живем...

Старик достал из оттопыривающегося кармана маленький термосок и налил в стакан пенящуюся зеленоватую жидкость, кроме этих весьма неаппетитных признаков, она еще и парила, видимо, не так давно изготовили это зелье. Моя реакция деда не удивила, поскольку он достал из кармана траву, похожую на мяту и предложил мне пожевать перед приемом зелья. Господи, да за что же мне все эти мучения? А, ладно, пропади оно все пропадом...

Зелье оказалось не таким уж и противным, зато очень действенным, за считанные минуты боль прошла, тошнота также, хотя голова продолжала кружиться.

– Который сейчас час? – я вдруг вспомнил, что мне сегодня ехать в колхоз и мысленно застонал. Какой колхоз, если я с постели встать без посторонней помощи не могу?

– Шестой, по твоим меркам еще рано, так что поспи малость, оно на пользу пойдет...

– старик засобирился на выход. – Да не пей ты, прости господи, ведь ты же не алкаш какой-нибудь. Будут приставать, пошли по-нашему. Или слова не знаешь? Могу написать с десяток, по дороге выучишь.

У меня от его юмора заныла печенька, или это зелье подействовало? Как бы не отравили меня эти экспериментаторы...

– Спасибо, не надо, лучше скажите, что мне дальше делать, может быть, в поликлинику сходить, пусть желудок промоют?

Старик аж позеленел, затем все же взял себя в руки и, хлопнув дверью, поковылял по улице, оборачиваясь в сторону моего дома и качая головой.

Не знаю, как это у них получается, но проснулся я в отличном состоянии тела и в не менее прекрасном расположении духа. Даже зарядку сделал, чего со мной давно уже не бывало. Времени оставалось мало, поэтому завтрак пришлось сократить, тем более что холостяку собрать тормозок на полевые работы тоже непросто. Тем не менее, я успел вовремя к отправлению заводского автобуса по направлению «завод-колхоз». И вот тут меня ждал сюрприз...

Как меня послали в...

– Виктор, это как же понимать? – раздалось прямо над моим ухом, причем не просто раздалось, а прогремело.

Бог ты мой, да это же начальник мой незабвенный. Как он сюда попал, ведь мы уже тронулись и, судя по всему, проехали немалое расстояние. Я для убедительности посмотрел за окно и увидел его «Волгу» с торчащими из окон физиономиями моих вчерашних коллег-событийщиков.

– Ну, так что скажешь? – лицо шефа нависло надо мной, предвещая бурю.

– А что я должен сказать?

Шеф от моей наглости даже онемел на некоторое время, но отошел быстро и бешено завращал глазами:

– О чем мы вчера договаривались?

– Мы? Вчера? – я понял весь ужас своего положения, но помочь себе никак уже не мог. Я просто ничего не помнил.

– Послушай, давай не будем задерживать людей, автобус ждать нас бесконечно не будет...

– Анатолий... это... Иванович, вы скажите, чего это я вчера обещал, а то...

– Бросай ты это дело, мое терпение тоже не безгранично. Ну, так что, решай, да или нет!

Тут подоспела «старшая» в нашей бригаде и между ними завязался оживленный разговор по поводу моего присутствия на сем празднике жизни. Надо отдать должное старшей, она стояла насмерть и меня не выдала. У нее тоже план и отчетность, а если еще неполная явка, то вообще на ковер потащут... Это не мой жаргон, это все она. Когда шеф повернулся ко мне, глаза его сидели настолько близко друг к другу, что я почувствовал, как по спине поползли мурашки.

– Поговорим завтра! – отрезал он и вылетел из автобуса.

Я перевел дух и почему-то не стал оборачиваться на отъезжающую машину.

Неплохое начало для нового дня, не правда ли? Но ничего, наш автобус тронулся, и я вскоре отвлекся от мрачных мыслей. Автобусы, пусть даже такие дряхлые, как этот, мне всегда нравились, и не только езда в них, но и сама обстановка, если выразиться точнее, состояние, в которое ты впадаешь, заходя в него. Путешествие, сколь коротким бы оно ни оказалось, приводит тебя в особое состояние духа, когда ожидаешь от жизни чего-то особенного, чего еще не было, даже если знаешь, что выходить тебе через остановку. Не беда, выйдем там, где нужно, а пока...

Я думаю, необходимо сказать, что местность у нас степная, воды очень мало, если не считать небольших водоёмчиков, образовавшихся в балках или же искусственных, так называемых «ставках», представляющих нечто среднее между прудом и лужей, куда предприятия сливают якобы отстоявшиеся промышленные стоки. Говорят, что когда-то люди купались в них, но, то ли по причине незнания экологической обстановки, то ли еще почему-то, но верится сейчас в это с трудом. Я не беру в расчет особо умных подростков, которые купаются даже в самих отстойниках, и имеющих кожу и волосы цвета полинявшего тряпья. Это отдельный разговор. Но я отвлекся...

Так вот, питьевую и вообще воду мы «получаем» из дальней реки по каналу, почти как в Средней Азии. Канальчик так себе, неширокий, и вода в нем на питьевую не очень похожа, но делать нечего, пить захочешь...

К чему я это говорю? К тому, что ландшафт из окна автобуса открывается достаточно однообразный – дорога, по бокам которой располагаются лесопосадки шириной метров по десять, хотя точно сказать не могу, не измерял. Деревья посажены самые разнообразные и, в основном, из-за плохого ухода превратившиеся в непроходимые, заросшие дикой порослью

полосы. Сквозь часто встречающиеся прорехи в посадках проглядывают поля, в сезон засеянные чем-нибудь, или же пахота. Все это заканчивается теми же лесопосадками. Вносят разнообразие балки, овраги и терриконы. Причем балки и овраги, в отличие от терриконов, общей картины не портят. Поражают воображение поля, их так много, что кажется порой, будто вся земля распаханна и засеяна, и негде бедным диким животным жить. Однажды я наблюдал такую картину, что хотелось заплакать. Проезжая мимо заповедной зоны недалеко от Днепра, мы увидели, как самка оленя с двумя оленятами пытались перейти распаханное поле. Оленята были еще очень малы, и приходилось матери подталкивать их, чтобы они смогли вытащить ножки из рассыпающейся земли. И вот, когда они находились почти посередине поля, пошел сильный дождь. Представляете себе их мучения? Потому, наверное, они зачастую, пренебрегая опасностями, выходят на дороги, а там уже как Бог на душу положит.

Так вот, о полях. Мысли – они хитрые – прилетают и улетают, а ты потом мучайся, ищи ответы. Простой вопрос, почему так много полей, неужели мы так много едим? Есть, конечно, сермяжная правда в том, как рассуждал крот в «Дюймовочке». Мол, съедать ползернышка в день – это немного, а вот за год – это да! И все же не верится, что нас так много и мы столько съедаем. Учили же в школе, что на «диком» западе сельским хозяйством занимаются совсем не так и значительно меньшими силами, и притом у них перепроизводство, а у нас наоборот. Непонятно. Ты посей меньше да поухаживай лучше, вот и вырастет хороший урожай. А мы как? Насеем, сколько сможем, а потом тащим из города подмогу, которая ничего в сельском хозяйстве не смыслит. И все время боремся за урожай, лучше бы каждый своим делом занимался, а то что же...

Эх, мысли, мысли, одна крамольнее другой, хорошо, что читать их никто не может, а то сидеть бы кое-кому в местах не столь отдаленных!

Приехали. Выгрузились лениво и, потягиваясь, разбрелись вокруг автобуса. Вот бежит бригадирша, явно опоздала на работу, сейчас будет на нас отыгрываться.

– Здравствуйтесь, товарищи, – едва отдышавшись, недовольно произнесла она и – сразу к нашей старшей, – сколько сегодня людей?

– Двадцать два, – бойко отрапортовала старшая.

– Это почему так мало? – сразу набросилась на нас бригадирша, – ведь обещали сорок, что за безобразие?

– Так мы это...

– Куда я вас поставлю, у меня же план, а вы что вытворяете? – не унималась она, – мне нужно сорок человек на прополку огурцов и точка!

– Матвеевна, – виновато протянула притихшая старшая, – мы-то в чем виноваты...

– А кто, мне некогда разбираться, – она задумалась, – идемте, будете работать и «за того парня».

Толпа недовольно зашевелилась, но потянулась за нашим новоявленным командиром. Пришли на поле, заросшее почти по пояс сорняками. Господи, да его же никто не трогал со времени посева. Искать среди зарослей чахлые ростки огурцов дело неблагодарное, да и неэффективное, поскольку больше времени уйдет на то, чтобы вынести тонны сорняков с поля, а огурцы могут и не выжить в новых условиях. Да, по-своему бригадирша права – спешить с прополкой следовало еще недели три назад.

– Вот, смотрите, ваш фронт (обратите внимание на этот самый «фронт», на войне как на войне) работ, вот отсюда, – она показала на край поля, – отсюда и... до вечера (это юмор у них такой). Сорняки не оставлять, огурцы не выпалывать, а не то завтра жалобу в райком напишу. Вон вчера ваши выкосили поле, оставили с полсотни огурцов на гектаре. Безобразие. Присылают черти кого, не могут даже огурцы от сорняка отличить, совсем опустили городские...

Она продолжала бурчать, уходя все дальше от нас, а мы все стояли, «ободренные» ласковым приемом. Наконец одна из женщин глубоко вздохнула и как-то неожиданно в данной ситуации предложила:

– А что, может быть, перекусим для начала?

Такое предложение сразу разрядило напряженную обстановку, и все пошло своим чередом.

– Давайте, пока не жарко, что бог послал...

«Поляну» накрыли быстро, каждый выложил то, что принес, даже две бутылки самогона нашлись.

– Колька, а ну-ка спрячь выпивку, рано еще загружаться то...

– Это тебе рано, а мне в самый раз...

– У, алкаш, когда ты только ею напьешься...

– Вот если бы ты меня поила...

После коллективного завтрака дело пошло значительно быстрее, кто поопытнее, расставили остальных на положенные им рядки и процесс пошел. Это время самое интересное на колхозном поле. Интересно оно тем, что на поле все равны, независимо от возраста, служебного положения и так далее. Промываются косточки всем подряд, рассказываются самые невероятные истории, и вообще люди чувствуют себя раскованно и свободно излагают свои мысли. Для многих это едва ли не единственный способ больше узнать о своих сослуживцах и их семьях, знакомствах и так далее. Да и личные знакомства здесь завязываются намного легче и надежнее, люди становились ближе, и при встречах с ними зачастую в душе возникало нечто теплое. Даже «алкаши» выглядели не настолько отталкивающе, особенно под «артобстрелом» женской части бригады. Под такие словесные перепалки и работалось веселее, даже если и не удавалось произнести ни слова. Солнце, воздух, доброжелательная атмосфера делали свое дело, и на следующий после колхоза день чувствуешь себя бодрым и красивым. Что я и чувствовал поутру.

Поскольку вчера в колхозе и после него удалось остаться совершенно трезвым и отдохнувшим, на работу я летел как на праздник, даже выбрился чисто и надел свежую рубашку. Такое не каждый день бывает. Это ни в коей мере не говорит о том, что я неаккуратный или еще какие-то недостатки водятся. Совсем нет, разве что самую малость. Просто не всегда удается вовремя постирать и погладить, поскольку рубашек на выход раз-два и обчелся, да и порошка не напасешься каждый день-то стирать.

Так вот, прихожу я на работу, а там встречает меня, кто бы вы думали? Угадали, это Мила собственной персоной.

– Витюша, ты не подумай чего... но тебя ждет начальник и, знаешь, у него настроение какое-то странное.

– Спасибо на добром слове...

Это мое хорошее настроение приказало долго жить. Вот тебе и отдых в подшефном колхозе. Я же совсем забыл о начальнике и его угрозах, а зря, надо было бы морально подготовиться. Да делать нечего, идти все равно придется, интересно, что он мог придумать мне в отместку?

Я поскребся в дверь, оттуда раздалось нечто невнятное, из чего я сделал вывод, что мне разрешили войти, и вошел. Вывод я сделал неправильный, поскольку шеф разговаривал по телефону и явно с начальством. Шеф слегка изменился в лице, увидев меня, но, поразмыслив, показал на стул возле стены. Я вошел и тихонько сел. Поначалу к разговору по телефону я не прислушивался, не имею такой привычки, но затем обратил внимание, что шеф искоса поглядывает на меня, и прислушался. Ба, да речь то шла обо мне и о моей дальнейшей работе на этом предприятии!

– Я думаю, ему это пойдет на пользу, пусть покрутится, пообомнет бока, – с каким-то злорадством процедил в трубку шеф, – а если получится? Вряд ли, не таких она обламывала.

И все же... – он задумался, затем бросил на меня быстрый взгляд и лицо его просветлело, – тогда производство выиграет, а мы посмотрим, что нужно сделать. – Он злорадно засмеялся, – да, партия нам поможет. Ну, пока, он уже сидит у меня, нужно поговорить. Кстати, из моего резерва его нужно убрать, правильно я рассуждаю?

Шеф положил трубку и уставился на меня. Очень нехорошо уставился, не понравился мне его взгляд. Я попытался разобраться в услышанном, но информации явно не хватало. То, что меня убирают из-под начала шефа, это и ежу понятно. Убрать из резерва начальника, это серьезное наказание, прощай карьера, по крайней мере, в этом подразделении. Удар ниже пояса, иначе это не назовешь. Но не все от них зависит, есть и другие предприятия, специалисты везде нужны, жалко только, что столько времени потеряно зря. Извиниться, что ли, поклониться барину в ножки, авось сердце у него не каменное, простит поганца? Не хочется, что я ему холоп, что ли, в ногах валяться? Нет, решено, никого ни о чем я просить не буду. Не дождутся, граждане начальники.

Шеф, по-видимому, уловил перемену моего настроения и отвел взгляд.

– Есть мнение, – словно подражая манере разговора Сталина, проговорил он, – направить вас на повышение. В смежном с нами секторе уходит на повышение начальник, и вам доверяют этот ответственный пост. Правда, не сразу, а с испытательным сроком в два месяца, но – тем не менее. Эти два месяца необходимы для того, чтобы его резервистка, Аделаида Никифоровна, ввела вас в курс дела. У меня все, собирайте вещи и передайте все дела Миле, она справится с недоделанными вами делами.

Сначала я удивился. Во-первых, мой бывший шеф никогда не разговаривал настолько сжато и, для такого сорта людей, красиво. Это выглядело так, будто он прочел речь, заранее подготовленную и утвержденную партийным комитетом. Выдавало только последнее предложение, в котором он выдал всю свою сущность. Если он хотел меня обидеть тем, что моя квалификация настолько низка, что с моей работой сможет справиться даже Мила, то здесь он дал маху, по крайней мере, сам он в этой самой работе не смыслил ничего. Сделайте выводы, насколько Мила квалифицированнее самого шефа! Во-вторых, впервые после его слов мне сразу стал понятен весь его замысел.

Интрига заключалась в том, что на это освободившееся место претендовали, по крайней мере, два человека. Один из них – жена начальника цеха. Прямо поставить ее на это место Большой шеф не мог, неэтично и все такое, слухи пойдут, да и квалификация у жены не очень... Второй претендент – личность замечательная во всех отношениях. Во-первых, женщина активная (незамужняя), деловая, достаточно грамотная, а главное – знающая себе цену. Работая в одном подразделении, они с женой начальника проели плечи друг другу сплошными интригами, но выходить за рамки приличия не хотели, поскольку А.Н. (читай, Аделаида Никифоровна) обладала поистине мужской выдержкой, а жена начальника чувствовала себя достаточно уверенно и поэтому особенно не переживала. На результатах работы весь этот сыр-бор не сказывался, даже наоборот, все вполне соответствовало духу социалистического соревнования, работа кипела, а на дым никто не обращал внимания.

Так вот, в этот, с позволения сказать, змеиный клубок мне и предлагали перейти, мягко говоря, на повышение. Руки у начальства оставались чистыми, поскольку даже предложение это исходило не от них, а от А.Н., она даже ко мне подходила с этим предложением, но я как-то постеснялся бросать свою группу, да и работа у меня была интереснее. В общем и целом, я ей отказал, за что она, я думаю, не могла быть благодарна. Это еще один "плюс". Оставалось только выяснить, чего от меня хотели граждане кумовья. Полного подчинения? Это уж слишком. Увольнения? Слишком запутанный механизм, можно было просто с глазу на глаз сказать мне все прямо, и я бы ушел, начальник это знал, но не воспользовался. Эта щепетильность вызывала подозрения, и стоило поразмыслить над этим делом. Разве что они хотят убрать

основного претендента (А.Н.) с моей помощью и поставить у руля того, кого им надо? Веселенькое дело!

И тогда в моей голове, а может быть и не в голове, созрел план мести этим ублюдкам. И состоял он в том, чтобы уничтожить в зародыше все их мерзкие потуги, а для этого необходимо было время и видимость того, что я ничего не понял.

– Анатолий Иванович, я вам очень благодарен за содействие, я так давно мечтал об этом месте, – я старался говорить как можно искреннее и едва не лопнул от смеха, когда его маленькие глазки едва не вылезли из орбит от изумления. Я даже протянул ему руку в знак благодарности и долго тряс, наслаждаясь моментом. Судя по всему, дебют в намечающейся сложной партии я выиграл.

Наступило второе действие спектакля. Шеф посеял ветер и очень быстро начал пожинать бурю. Я вышел из его кабинета и неплотно закрыл дверь, причем едва не столкнулся с Милой, которая делала вид, что протирает пыль, а сама пыталась поймать обрывки разговора между нами. Судя по ее дальнейшей реакции, услышала она немного.

– Милочка, я тебя поздравляю, – торжественно объявил я, – теперь мою работу будешь выполнять ты, это большое доверие, но, как сказал наш уважаемый начальник, ты имеешь большой потенциал и справишься. Пойдем, я расскажу тебе, что надо сделать.

Присутствующие, а их насчитывалось девять человек, остальные отсутствовали, замерли.

– Ду-ду-дурацкие у тебя шутки, – наконец опомнилась Мила, – и злые к тому же.

– Какие же тут шутки, начальство не шутит, ему работать надо. Ты сама пойдешь или начальника позвать?

– Витек, ты что, серьезно? Неужели шеф нас покидает, а когда? Ты на его место или как, непонятно... – посыпались вопросы.

– Шеф у вас остается тот же, – я сделал ударение на слове «тот», – это я ухожу.

– Жалко, что не наоборот, – негромко, но весомо заметил наш ветеран, переживший не одного начальника.

– Спасибо на добром слове, но тем не менее...

– И куда же тебя столь скоропостижно?

– К А.Н. на стажировку...

– Витек, ты чего, с ума, что ли, сошел, не знаешь, куда идешь?

– Мне уже давно предлагали...

– Значит, заболел, не иначе, тебя же там сожрут и даже не заметят! Да скажите вы этому олуху...

– Тс-с – я приложил палец к губам, – а то начальство услышит. У меня тут червонец заваялся, давайте... – я вдруг вспомнил о запрете на выпивку, но тут же выкрутился, – может быть, кто-нибудь за мороженым сбегает, а то жарко.

– Давай, я схожу, – предложил ветеран, – мне все равно в ту сторону по делам идти.

На том и порешили. Мила шла к моему столу как на Голгофу. Если я по штатному расписанию должен был выполнять работу максимум пятого уровня сложности, а выполнял седьмого, то Миле такие «высоты» даже и не снились. Рассказывать подробно не было смысла, поэтому мы просто разложили все по папочкам и на том закончили, к тому же прибыло мороженое...

В этот день к новому рабочему месту я не пошел, подождут. Зато домой я шел в приподнятом настроении, хотя причин для радости не было. Вот тут и попался мне мой обидчик – дед Григорий. Лучше бы он сидел дома!

– Ну что, Витек, я вижу, что зубы я тебе подлечил, так может быть, по этому случаю... – завел он свою песенку.

– Нет, некогда, Григорий Васильевич, дело у меня есть, очень важное! – я решил проявить выдержку и сегодня отшивать всех, кто пристает с неприличными предложениями.

– Что же может быть важнее? – дед искренне удивился, – не уважаешь ты старших, вот что я тебе скажу.

И тут словно бес в меня вселился, достали они меня, благожелатели и воспитатели, сейчас я ему врежу по самую макушку!

– Скажу вам по секрету, только никому не говорите, ладно? – для убедительности я оглянулся, – дали нам секретное задание разработать прибор, который распознает, кто вредит его владельцу...

– Да иди ты...

– Точно говорю, мы разработали и уже сделали макет. Представляете себе эффект?

– Не-а, не представляю, – растерялся мой дед, – а что за аффект?

– Не аффект, а эффект, скажем, действие или результат. Так вот мы провели опробование на своем начальнике, так у него все электроприборы погорели в доме, на даче и даже у тещи!

– Да иди ты...

– Да чтобы мне на этой неделе ни капли в рот не взять!

Этот довод убедил деда, и он как-то даже по-другому, с уважением посмотрел на меня.

– А ты-то чему радуешься, тебе какая корысть?

– Так я схему запомнил, теперь себе иду такой же прибор паять! – с воодушевлением произнес я, искоса поглядывая на деда.

До него начал доходить смысл моих слов и этот самый смысл ему явно не нравился.

– Делать тебе нечего, время только тратишь впустую, – он задумался и выдал незабываемый и, не скажу, что неожиданный, но очень приятный для меня совет, – давай лучше посмотрим, что у тебя с крышей.

– Так до зарплаты еще далеко...

– Не все меряется деньгами в этом мире, запомни это на всю жизнь, – дед в порыве собственной значительности поднял указательный палец, вымазанный чем-то ярко-зеленым.

Я помялся для вида, а потом якобы нехотя согласился, рассыпаясь в благодарностях.

Если бы кто видел, как дед Григорий симулировал активную деятельность, он бы умер со смеху. По его понятиям, работы он провернул минимум за десятерых, да и меня погонял изрядно. Я на него не особенно обижался, лишь бы дело шло. Пошабашили мы затемно, и вот здесь мне пришла в голову еще одна мысль.

– Григорий Иванович, вы посидите, я сейчас в магазин смотаюсь...

– Да не надо, тебе говорю, и так сойдет!

– Да нет, не по-людски все-таки.

– Ну, давай, а я покурю пока...

Сели мы за стол, бог нам послал не очень много, но на двоих вполне достаточно. Я чинно разлил беленькую по рюмкам, и мы не менее чинно чокнулись.

– Ну, пушай твоя крыша сто лет не протекает, даю гарантию, – дед одним глотком осушил рюмку и стал закусывать, задумавшись о чем-то. Я его не торопил, но тщательно изображал из себя человека, которому очень хочется выпить, но не получается. Наконец дед поднял на меня взгляд и сначала просто с недоумением, а потом более пристально пригляделся.

– Что, не идет?

– Не могу, я пытаюсь, а она никак...

Дед почесал затылок и чуть покраснел, что в его возрасте выглядит довольно необычно.

– Сам догадался или подсказал кто? – словно эхо донеслось с его стороны.

– Сопоставил, что к чему, и вот, теперь не могу даже водки выпить, – я выразил на лице такую несчастную физиономию, что лицо деда сморщилось, от жалости, что ли.

Посидели молча, каждый думал о своем, наконец, дед налил себе рюмку и произнес тост.

– Я хочу выпить за тебя, Витек, сегодня ты преподавал урок мне, старому дураку, и при этом не скандалил и не позорил меня на всю округу. – Он прищурился, – не знаю, действительно

ли тебя отвратило от водки, но я тебя поддержу, и ни одна собака к тебе с этим делом больше приставать не будет. Да будет тебе известно, я умных людей люблю и уважаю, хотя на нашей улице их только двое.

Дед выпил налитое и, протянув мне руку, вышел на улицу. А я остался. Хотя я так и не понял, обиделся он или нет, на душе стало немного не по себе. Возможно, лучше было бы поскандальить?

Как бы то ни было, а день прошел и, как обещала мне старушка, он принес много перемен, а впереди еще несколько дней. Я начинал верить ее словам и от этого мурашки бегали по коже.

Как меня снова послали в...

И вот я снова в колхозе, но на этот раз подальше и совершенно по другой причине. Рассказывать долго, но, я думаю, небезынтересно. Заметили, что не просто интересно, а... вот так. В русском языке столько возможных оттенков одного явления, что иногда кажется, будто само явление где-то потерялось в сравнениях. Зато красиво и туманно.

Так вот, работа моя повернулась ко мне непонятно каким боком, но то, что она оказалась совершенно непохожей на предшествующую, это точно. Поскольку за пару дней под чутким руководством «комиссарши» я выполнил месячный план, а был уже конец месяца и подбивались итоги по соцсоревнованию, я оказался в интересной ситуации. С одной стороны, появилось много недоброжелателей со стороны «приходящих на работу», с другой стороны, начальство было в шоке, ведь это же нонсенс, такого не бывает. Или я схалтурил, то есть схимичил, а точнее, просто обманываю всех и вся, или не я один ее, проклятую, выполнял, или... сами понимаете. К чему это могло привести? Во-первых, случай беспрецедентный, придется создавать комиссию по расследованию этого вопиющего случая и, если все чисто (читай, честно с моей стороны), то придется менять расценки и нормы на аналогичную работу, а это уже, извините, чревато последствиями. Ведь эти нормы составлялись научно-исследовательскими институтами, на них защитились многие уважаемые ныне ученые и вдруг где-то в провинции... И это в масштабах всего государства! Нельзя этого допускать, иначе – сами понимаете. А разобратся надо. И, желательно, без моего присутствия.

А.Н. была счастлива, ее «личность» светила, она явно купалась в создавшейся обстановке, будто это ее достижение. Меня она встретила более чем сердечно, но порыв свой сдержала, хотя это стоило ей больших усилий. Занимать кабинет начальника она не стала по одной ей известной причине, поэтому приходилось сдерживать эмоции.

– Отлично, здорово ты их...

– И что теперь, не накроет нас девятый вал? – меня почему-то больше беспокоили последствия нашей акции, чем саму зачинщицу.

– Не переживай, все будет как надо, я держу руку на пульсе. Сейчас уже пошла волна, пока еще маленькая. Тебя отправляют в колхоз на неделю, – она предвосхитила мое возмущение, – да ты послушай, что тебе предлагают. Ты когда отдыхал весной или летом? У молодых все отпуска зимой или еще хуже, осенью гнилой. А тут ни с того ни с сего тебе дают возможность отдохнуть на море целую неделю!

– Абрау-Дюрсо? – невольно вырвалось у меня.

– Почти. Рядом поселок есть, так оттуда снабжение ведется всех баз тамошних. Туда и поедешь. А я тут буду держать оборону.

– Как вы в одиночку собираетесь воевать, съедят вас в момент...

– Кто тебе сказал, что в одиночку? – она загадочно улыбнулась, – да будет тебе известно, и в наших рядах есть люди, только они не высовываются почему зря.

– Вы меня пугаете, это что же заговор, а я вроде живца?

– Какой заговор? Людям надоело это все, приписки, кумовство, ханжество. А за себя не переживай, наши люди своих не забывают, в случае чего, подстрахуют.

– Это в каком смысле? – я уже начинал беспокоиться по-настоящему.

– В смысле работы...

– А в смысле анкеты?

– И это тоже...

– Вашими бы устами...

Все бы оно неплохо, да подпортили мне отправку. Пока я улаживал дела с командировкой, началась настоящая война, и закончился этот этап истерикой, которая приключилась у А.Н.

– Я не могу оголить свою группу, – в сердцах разорялась она, – два человека – это уже слишком! Кто работать будет?

– Да успокойтесь вы, все будет в полном порядке, – утешал ее заместитель Большого шефа, поглаживая ее руку, которую она, впрочем, не убирала.

Вы меня, конечно, извините, но об этом человеке я не могу не рассказать. Это целая история, поучительная, я надеюсь, не только для меня. Так вот, Аванес Георгиевич представляет собой зрелище необычайно эффектное, его неброская внешность (насколько она может быть у человека с Кавказа) резко контрастировала с его способностью носить оную. Именно такой слог приходит в голову в первую очередь, когда вспоминаешь о нем. Чувство собственного достоинства, абсолютное спокойствие (со временем я убедился, что его еще никто не смог вывести из себя), уверенный негромкий голос и... что-то еще неуловимое заставляло его собеседника внутренне собираться и, вроде бы непривычные для этого собеседника темы в разговоре становились самым обычным делом. Непривычные потому, что на работе принято говорить о чем угодно, даже о самой работе, но очень редко можно услышать глубокомысленные беседы об искусстве, литературе, о тонкостях жанра и слабостях творческих деятелей. Такие беседы вел Аванес Георгиевич практически со всеми работниками, особенно он любил говорить с молодежью.

Поначалу, как только он пришел в эту организацию, при первом знакомстве с этим уникальным человеком я, грешным делом, подумал о нем – «образованнейший человек, пенсионер, тянущий лямку на производстве до самой смерти, скучно ему, бедолаге, вот он и бродит среди работающих и, так сказать, создает положительный настрой на работу».

Ан нет, не тут-то было. По должности он оказался замом самого большого шефа, и работа с коллективом – это его непосредственная обязанность. Но мне нравился больше первый образ, должность начальника Аванесу Георгиевичу, на мой взгляд, не очень подходила. Тем не менее, мы продолжали обсуждать важнейшие достижения искусства, тем более, что это происходило в рабочее время. Нас с Аванесом Георгиевичем сблизила любовь к книгам. Если я по молодости собрал еще несколько десятков книг, то у Аванеса Георгиевича их насчитывалось более шести тысяч наименований, при этом каждое наименование имело несколько изданий. Аванес Георгиевич собирал книги не только ради самого процесса, его интересовала история каждого издания, каждая мелочь, связанная не только с авторами, переводчиками и так далее. Он считал, что у каждой книги, как и у человека, своя судьба, и эта судьба достойна внимания.

Сведения о его библиотеке я почерпнул не от него самого, поскольку Аванес Георгиевич был достаточно скромным человеком, а от его дочери Маргариты. Познакомились мы с ней случайно, самым стандартным образом – на дежурстве в Добровольной народной дружине. Мне достался пост в Доме культуры нашего предприятия, где в этот день было пустынно, никаких культурных мероприятий этим вечером не проводили. И вот сижу я, скучаю, изучаю настенную агитацию, а также попутно изучаю правила поведения населения при ядерном взрыве. И тут меня окликнули:

– Молодой человек, в шашки не хотите сыграть?

Я обернулся, чтобы увидеть обладательницу этого притягательного голоса и увидел маленькую, черненькую, остроглазую девушку, к которой этот голос ну никак не подходил, так как был он достаточно низким и слегка хрипловатым. Сами понимаете, сообразительность моя несколько отстала от пристального изучения девушки, поэтому ей пришлось повторить:

– Вы на дежурстве? В шашки сыграем?

Трижды просить меня не пришлось, и я пригласил девушку присесть, благо, что на столе шашки присутствовали всегда. Быстро расставив шашки, я поднял на нее глаза и внезапно

понял, что теперь уже меня изучают, не менее внимательно, чем перед этим делал это я. В таких случаях я обычно краснею, и Маргарита рассмеялась.

– Таким я вас и представляла.

– ???

– Мне отец о вас рассказывает чуть ли не каждый день. И такой вы классный, что я решила с вами познакомиться.

Хорошее объяснение. Нет, мне, конечно, лестно, что меня считают... но манера общения девушки несколько сковывала, я думаю, что вы понимаете, о чем я говорю, поэтому пришлось покраснеть еще больше. Но глаза я не отвел!

– Вот так уже лучше. – Она протянула свою маленькую ручку. – Давайте знакомиться, я – Рита, а отец мой – Аванес Георгиевич.

– А-а-а, – только и нашел, что сказать я, – понятно.

– Очень хорошо, что понятно, – съехидничала она, – можете не представляться, я о вас много чего знаю.

– В каком смысле?

– Нет, отец явно вас переоценивает, – она вздохнула, – да, во всех смыслах. Он только и расписывает ваши достоинства и намекает, что лучшего мужа мне не найти.

Это уже слишком! Такого давления, я имею в виду психологического, не оказывала на меня ни одна женщина, поэтому я закусил удила.

– И когда же свадьба?

Девушка аж взвизгнула от удовольствия.

– Вот это по-нашему! Ну, все, теперь я всем буду рассказывать, что у меня есть жених.

– Да я не в том смысле...

– Я тоже не в том, поэтому не переживай, замуж я пока за тебя не собираюсь, – она сделала первый ход, – а ты ничего, давай дружить?

Как я понял, экзамен на вшивость мною был сдан, поскольку со мной разговаривают на равных и на «ты».

– Давай!

И мы начали дружить. Для начала мы очень много беседовали, вечер то долгий. Впрочем, и здесь моя роль была не очень-то сложной, она в основном говорила, я же лишь изредка вставлял словечко, либо отвечал на ее вопросы.

Под конец дежурства Рита сияла и выдала мне комплимент.

– Слушай, а ты потрясающий собеседник, отец был прав. На этот раз...

– Что ты имеешь в виду? – снова не успел сообразить я.

– В том смысле, дурачок(!), что они(!) почти всегда неправы, а строят из себя...

Я не стал уточнять, кто это «они», но такие рассуждения о родителях мне не совсем понравились, я о своих в таком тоне обычно не говорил. Зато «дурачок» наводил на размышления...

Что-то я отвлекся, к чему это все? Ах, да, об отце, его библиотеке и вообще жизненном укладе Рита рассказывала в подробностях. По ее словам, довольно милый старичок дома превращался в тирана. И все из-за библиотеки. Имея трехкомнатную квартиру, он самую большую комнату отдал своему детищу, а семья из четырех человек довольствовалась двумя очень маленькими комнатухами, причем и в них стояло по большому книжному шкафу. Практически все свое свободное время он проводил наедине с книгами, а семья его обслуживала и терпела от него всяческие несправедливости. Дети подрастали, а все финансовые возможности использовались на пополнение книжного фонда, невзирая на то, что места в доме уже не оставалось. Не было сил даже радоваться действительно удачным приобретениям. Дети тех родителей, которые поднялись так же высоко по служебной лестнице, как и ее отец, щеголяли в импортных шмотках и отдыхали как минимум в Сочи, а ей приходилось вытирать пыль с книг,

которые со временем не хотелось брать в руки. Потом начался подростковый период, раннее замужество, разочарование в браке, скорый развод и маленький плачущий комочек на руках. И снова книги, тирания отца... Вот такая судьба оказалась у дочери интеллигентного человека. Выходить еще раз замуж? Да Боже упаси! Разве что хороший человек повстречается...

Я был явно не «тем» человеком, так как последующих встреч не последовало. Чем я мог ее утешить? Разве что выслушать и посочувствовать. Но я не возражал против такого поворота событий. Но, как оказывается, насколько могут меняться люди, а тем более твое личное отношение к ним. Что-то надломилось в моих чувствах к Аванесу Георгиевичу, и он это почувствовал, все реже подходил ко мне с рассказами о новинках. Кто виноват в том, что человек не может заниматься своим любимым делом, не ущемляя жизненных интересов близких? Искусственно созданный дефицит, поднимающий стоимость «ходовой» книги почти в пятьдесят раз? Или дефицит жилья, возможно, также искусственный? Поди, разберись! И счастлив ли сам Аванес Георгиевич, для которого сам процесс «добывания» новых книг и художественных альбомов стал почти наркотиком? По своему размаху и методам ведения он не уступал, по всей вероятности, подпольному букмекерскому бизнесу за границей нашей необъятной родины. А ажиотаж при розыгрышах подписных изданий, когда десяток комплектов разыгрывается среди сотни желающих (обычных советских граждан)! Зато удовольствие выигравшего нельзя сравнить с удовольствием работника партийного аппарата, уже не знающего, собрание сочинений какого классика выбрать себе и своим родственникам. И как можно потом не выкупить это собрание, даже если автор писал, на твой взгляд не так, как тебе хотелось бы, и радость оно принесет только красивым видом? Ведь ты же выиграл!

Поучаствовав в нескольких розыгрышах, я понял, что удача меня не обошла хотя бы в том плане, что остался в неприкосновенности мой кошелек. Поэтому приходилось отовариваться на «черном» книжном рынке, обогащая спекулянтов, у которых изымался милицией товар, но затем снова этот товар появлялся под полой предприимчивых, но нечистых на руку «любителей книги». При мысли о том, что хорошо бы в дом купить более или менее стильную мебель, становилось особенно неуютно...

Но своего рода «уважение», граничащее скорее с восхищенным удивлением, заслуживала способность того же Аванеса Георгиевича «собрать» такую богатую по нашим меркам библиотеку. И в этой библиотеке не было «макулатуры», которая шла прицепом к книгам, продаваемым в магазинах. Тоже достойна удивления наглая предприимчивость работников торговли. Пойди – додумайся. И додумались! А если применить эту идею к мебельному делу? Например, к шикарному спальному гарнитуру прицепить по сходной цене тюремные нары по количеству спящих? Список можно продолжить, но не нужно, потому как получается, что в магазине даже «с прицепом» дешевле, чем на «черном» рынке. Поэтому нам стоит подсчитать, сколько мы выиграли в результате покупки, а с барышей напиться.

Вот такое отношение у меня сложилось к Аванесу Георгиевичу. Скажем так – сложное. С одной стороны – красиво жить не запретишь, с другой – а кто за это будет платить? Обогащаться знаниями, это не обязательно обогащаться духовно, если эти знания получены за счет бессовестной эксплуатации других душ. Снова это вопрос о целях и средствах их достижения. Вот ведь куда занесло.

Вернемся к нашим, извините, баранам. И вот этот индивидуум стоит над душой моей новой начальницы и по-дружески этак, доверительно успокаивает ее. Ее-то он успокаивал, а меня обеспокоил, это как пить дать. Не та ли это тайная гвардия, о которой говорила А. Н.? И если та, то я представляю, куда я попал. Как я себе представляю, если ты научился управлять хотя бы одним человеком, тем более жестко управлять, то следующим ты будешь управлять еще жестче, а если нужно, то и пожертвовать им не побоишься. Где та грань между жесткостью и жестокостью, жестокостью и бесчеловечностью? Можно привести множество исторических примеров, когда просвещение порождало тиранов, которые... Это я, конечно снова далеко

захожу, но все-таки теория теорией, а на практике я могу оказаться крайним. А крайним быть очень не хочется.

Интуиция редко меня подводила, и сейчас под настоящим ее влиянием мне почему-то расхотелось нарушать эту идиллию. Вернулся я через несколько минут, когда А. Н. была уже одна, причем внешне абсолютно спокойная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.